

Всегда в истории существовали точки особой геополитической напряжённости. Победы или поражения в этих точках имели определяющее значение для цивилизационных общностей. Очевидно, что сегодня такой точкой геополитической напряжённости является Новороссия. От исхода противостояния в этой точке напрямую зависит судьба российской цивилизации.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сущность современного момента российской истории состоит в смене ценностно-целевых ориентиров на прямо противоположные тем, которые были заложены в основание постсоветской системы государственности. С конца 1980-х Россия, как и все отпочковавшиеся от неё государства, выстраивала политику вхождения в единый западнцентричный мир. Шли туда кто с большей, кто с меньшей охотой, отталкивая друг друга, но направление было общим. Вхождение в западнцентричный мир являлось реальной идеологией Российской Федерации, хотя и утверждалось, что государственной идеологии в России не существует.

Но Запад, как цивилизационный феномен, формировался в борьбе вначале с Византизмом, а потом и Российской цивилизацией, закрепив соответствующие образные характеристики врага на аксиологическом уровне. В двадцатом столетии в рамках этого противостояния решался вопрос о путях развития человечества, что в сути своих составляло выбор между ценностями цивилизации Запада и ценностями цивилизации России. Принимая в постсоветские годы ориентир вхождения в западнцентричный мир, Россия, как и иные бывшие советские республики, должна была, соответственно, принять и западную русофобию. При этом вхождение в мир Запада было возможно только на положении периферии. Сложилась система не просто несuverенного существования, но существования идеологически выстроенного на отрицании собственного цивилизационного фундамента и его очернения.

С течением времени стало очевидно, что путь вхождения в западнцентричный мир прераждаёт шагбаум. Получить пропуск на вход было возможно только на основании окончательной десуверенизации, территориального раздробления и исторического самоотрицания. Эти условия для части властной команды с верховным сувереном во главе оказались неприемлемыми. Кроме того, сообразно с законом развития цивилизаций, инкультурные привнесения вызвали силы цивилизационного противодействия со стороны народа. Цивилизационный маятник начал ход в противоположном направлении.

Всё это предопределило смену вектора движения России как динамической системы. Западные ориентиры

Вардан
БАГДАСАРЯН

ФАКТОР ДОНБАССА

...и бастионы пятой колонны

сменились на уровне властного и общественного дискурса цивилизационно-идентичными ориентирами. Однако сразу же, на первых шагах это столкнулось с инерцией выстроенной под идеологию западничества системы. Политика вхождения в западнцентричный мир привела к построению программируемой под решение задачи такой инкорпорации системы, включающей: а) западные институты; б) космополитические кадры; в) механизмы и связи со странами Запада; г) обществоведческие и управленческие теории западного происхождения. По сути, речь идёт о бастионах "пятой колонны". Без слома этих бастионов возвращения России к себе объективно не может состояться. Нужна, соответственно, для решения этой задачи штурмовая сила. Но где её взять?

Целевым образом такая сила не формировалась. Нового "Ордена меченосцев", вспоминаю образное выражение классика в отношении принципа партийного строительства, создано не было. Проекты кадрового отбора типа "Лидеры России", скорее, работали в противоположную сторону, тиражируя менеджеров и карьеристов, но вовсе не идеократов и патриотов.

И здесь-то и должен проявиться фактор Донбасса. Донбасс оказывается не только плацдармом освобождения Украины от нацизма, но и платформой, с которой задаётся вектор цивилизационного самовосстановления России. На земле Донбасса рождается новая российская идеология. Родается не через теорию, а через кровь и смерть. А только идеология, сакрализуемая кровью героев, может иметь реальную историческую перспективу. Через Донбасс и отношение к нему формируются кадры русского (российского) цивилизационного возрождения. Отношение к специальной военной операции оказывается индикатором — первым вопросом нового кадрового отбора.

ФЕНОМЕН РУБЕЖА

Россицентричный мир, как всякая геополитическая система, включал в себя центр — собственно Россию, и цивилизационную периферию — окраины бывшего СССР и периферию — исторических союзников. Периферийность в данном случае не означала худшего качества жизни или более низкого статуса. Но факт заключался в том, что сборка

этого мира могла вестись только при наличии российского (русского) центра. Когнитивно россицентричная система была поражена в самом центре, после чего и начался её распад, сдача позиций. В военном отношении, напротив, геополитический противник двигался от периферии к центру. Вначале был нанесён удар по историческим союзническим режимам России/СССР. Операция заняла десять лет — с 1989 по 1999 год. Завершающим её этапом стала бомбардировка Югославии с одновременным включением в НАТО первой партии бывших союзников СССР по Организации Варшавского договора (Польша, Чехия, Венгрия). Слободан Милошевич тогда предупреждал: "Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским, жителям Украины и Беларуси на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните — с вами сделают то же самое, когда вы разобитесь и дадите слабину. Запад — ценная бешеная собака — вцепится вам в горло. Братя, помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так же!" Слова его, увы, оказались пророческими.

Вторым этапом началось разворачивание военного сценария на цивилизационной периферии России. Вначале — в Южной Осетии, потом — на Украине. Но по этой сценарной логике должен был начаться и третий этап — поражение цивилизационного центра. Донбасс в этой логике оказывался последним российским цивилизационным рубежом.

Та роль Донбасса, которую он сегодня играет для России, российский цивилизации в целом, концептуально объяснима. Если опираться в этом объяснении на теорию цивилизаций, то особая донбасская миссия может быть исторически сопряжена с его особым положением цивилизационного фронта. Цивилизационный фронт представляет собой особую приграничную зону цивилизации, порубежную с зоной иной цивилизации, чаще всего — враждебной. Население цивилизационного фронта находится на передовой линии борьбы цивилизаций. Отсюда — особая закалка, воля и героизм, жёсткость в дифференциации своей — чужой. Как правило, население цивилизационного фронта более цивилизационно-идентично, нежели население цивилизационного центра, менее остро чувствующее нерв происходящей борьбы. Не центр, а цивилизационный фронт оказывается эталоном идентично-

сти. И в критические для цивилизации ситуации спасение приходит именно с окраин. Люди цивилизационного фронта в чрезвычайных для цивилизации условиях часто приходят на смену утратившим цивилизационно-идентичные ориентиры людям центра.

Положение цивилизационного фронта не является исторической константой. Границы контроля цивилизаций исторически подвижны. Цивилизационные ареалы расширяются и сужаются. Но, чтобы расшириться, надо потеснить врага — сдвинуть границы сопредельной враждебной цивилизации. Сужение цивилизационного ареала, напротив, есть результат отступления, сдачи позиций. В ходе наступления цивилизации Запада фактическая зона контроля российской цивилизации сжалась. От русского цивилизационного ядра была оторвана Украина. Принадлежность исходно к русской цивилизации украинцы оказались в значительной части зомбированы, поменяли систему идентификаторов. На уровне цивилизационных кодов они всё равно остались русскими. Но их бросили против России. И в рамках современной прокси-войны, вводимой Западом, Донбасс оказался не только военным порубежьем, но и цивилизационным фронтиром, защитником ценностей и смыслов русской цивилизации.

ФРОНТИРЫ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Примеров того, как цивилизационные фронтиры оказывались локомотивами исторических прорывов цивилизаций, в мировой истории предостаточно. Русь сама исходно была северным цивилизационным фронтиром восточнорусской цивилизации. Христианизация русских земель принципиально меняла расклад сил в Евразии в пользу христианства в соотношении с миром язычества. Цивилизационным фронтиром самой Древней Руси являлось располагаемое среди Дикого поля Тмутарканское княжество. Туда стекались с русских земель удалые люди, искатели приключений. Македония даже не входила непосредственно в эллинский мир. Но именно эллинизированные македонцы по главе с божественным Александром взяли на себя миссию мстителей персам за Элладу. Заклённые в Галльской войне легионеры являлись силами римского цивилизационного фронта в кельтском

мире. Эти силы и использовал, как известно, Юлий Цезарь в борьбе за власть и в построении империи.

Косово являлось цивилизационным фронтиром сербского мира. Утраченные сегодня Сербией косовские земли имели и продолжают иметь сакральное значение для каждого серба.

Национальная героиня Франции Жанна д'Арк происходила из Лотарингии — территории, являвшейся зоной противоборства французов и немцев. Другим цивилизационным фронтиром Франции являлась Гасконь. Гасконский фактор во французской национальной истории блестяще раскрыл в своих романах Александр Дюма.

Положение фронта германского мира первоначально занимала Пруссия. Но именно Пруссия и сумела исторически объединить Германию в одно государство.

Периферийное положение в исламском мире первоначально, ещё до своего переселения, занимали турки. Но далее созданная ими Османская империя становится ведущей исламской державой, а турецкий султан принимает вместо арабов титул халифа.

Национальным фронтиром армянской общности является Нагорный Карабах (Арцах). Больше всего героев-армян получалось из арцахцев. После победы для армян Первой карабахской войны на волне успеха арцахцы возглавили не только Нагорный Карабах, но и саму Армению, возглавляя её вплоть до Бархатной революции 2018 года.

Ковбои представляли героический образ человека цивилизационного фронта для Соединённых Штатов Америки. Ковбойская субкультура США была чем-то сродни казачьей субкультуре в России.

РУССКИЙ ФОРПОСТ

Современная миссия Донбасса как цивилизационного фронта России — не только результат современного расклада геополитических сил. В древнерусский период территория нынешнего Донбасса входила в основную зону Дикого поля — пространства борьбы русской земледельческой культуры и степняков-номадов: печенегов, половцев, чёрных клобуков. С этим пространством связывались былинны богатырские заставы, дальнее порубежье Руси. Русь не только сражалась со степняками, но и распространя среди них православную веру, транслировала христианские ценности.

В позднее Средневековье современный Донбасс был зоной пересечения влияния Московского царства, Речи Посполитой и Крымского ханства. Их соперничество носило характер цивилизационного противостояния трёх миров: русского-православного, польского-католического и татарского-мусульманского. И уже тогда Донбасс выполнял роль русского цивилизационного форпоста. На окраинах русского мира в борьбе с басурманами в казачьей среде формировался особый пассионарный концентрат, ставший движущей силой российской колонизации. Казачи-землепроходцы стали главной силой расширения пространства России за Урал в семнадцатом столетии. Территория Донбасса частично относилась к Войску Донскому, частично — к Запорожской Сечи, но в обоих случаях — это был цивилизационный фронт православного мира.

Расширение территориального пространства Российской империи в царствование Екатерины II в южном и западном направлениях (были ликвидированы оба геополитических противника в борьбе за регион — Речь Посполитая и Крымское ханство) привело к утрате Донбассом положения приграничной зоны.

Положение Донбасса как цивилизационного фронта вновь актуализировалось в ситуации Гражданской войны. Донецко-Криворожская республика выступила форпостом большевистских сил в регионе, противостоя сепаратистской и националистической Центральной Раде.

Донецкий пролетариат в дальнейшем в Украинской ССР не позволял развиваться буржуазному национализму, служил цивилизационным русским противомосковским потенциальным сепаратизму. Казачий образ региона на этом этапе был заменён другим державо-строительным образом — шахтёрским. Подвиг комсомольцев "Молодой гвардии", действовавших во время Великой Отечественной войны на территории Луганской области, являлся логическим продолжением преемственной истории Донбасса в борьбе за российскую цивилизационную идентичность.

И в том, что в 1990-е Донбасс оказался вне российского государственного пространства, когда сама Россия отрёклась от собственной цивилизационной принадлежности, можно усмотреть высшее providение. Не принадлежа к Российской Федерации — государству, сконструированному в начале 1990-х по западным чертежам, Донбасс ведёт борьбу за восстановление подлинной цивилизационно-идентичной России — государства-цивилизации.

"Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю!" — говорил в своё время Архимед. Точка опоры — "цивилизационная твердь" — была нужна и для осуществления того геополитического поворота, который осуществляется сегодня. Такой "цивилизационной твердью" России и стал Донбасс.

Я ПОМНЮ, как почувствовал то, что стало для меня символом всех этих восьми лет. После напавшего развороченный Грозный — с бесилкой висающим вдоль железобетонных плит кишеником проводки — Майдан, где вся постсоветская мерзость обрела вид горящих в три этажа покрышек. Донбасская сеча, возмужавшая зверски убитыми командирами, заглянула мне прямо в глаза.

Я был устыжён, и до сих пор устыжён тем, что не имею никаких способов для отправки на фронт и ранения или даже гибели там. С точки зрения элементарной хитрейской здравости, стоит мне хотя бы на месяц перестать получать свою ничтожную по московским меркам зарплату с двух-трёх работ, как мои близкие: жена, работающая в театре администратором, и ещё совсем крохотный ребёнок — погибнут от безденежья. И каждый день спрашивая себя о том, почему меня, сидящего в Москве, прикрывают в Донбассе многодетные люди, и некоторые даже намного старше меня, никакого внятного оправда-

зуботычинами. В эти дни — и до конца моего бытия — невозможно думать о Европе иначе как об очаге непрестанной агрессии против всего мира, о её комплексе неполноценности, раздувающим войны мирового масштаба.

Уже в сознательные годы я поклялся не ступать в европейские пределы. Не раз отказывался от поездок на поэтические фестивали: Ирландия, Германия, что-то ещё. Отчего и от чего я отказывался? Отказывался, потому что убеждён: земля убийц моего деда — не для меня. И ввиду понимания: едва ли место за пылающий Будапешт 1945 года, где вылетела пуля, сразившая моего деда, во мне уляглась. Что всё во мне простило их. Своему сыну я с малых лет завещал не верить Европе, помнить о том, что она сделала и ещё делает с нами. Прав ли я? Не лучше ли было забыть? Но что, если помню я именно это, и больше мне помнить просто нечего?

Мой Донбасс — это люди, не уезжающие оттуда в разгар бомбардировок. Он — и мои стихи, и попытка отдать в палату

разу не бывшего в Донбассе, но рвущего к нему — поклониться его мужеству, его жертве.

Донбасс жертвует ради всех и ради мира, устройство которого станет в тысячу раз лучше, чем послевоенное лукавство "держав-победителей", три из коих по-настоящему воевали дай бог год с небольшим. К нашей Победе они попросту "присоединились", уже точа на нас нож. Ненависть англосаксов и алеманнов к нам — та самая историческая загадка, над которой я бился бы, будь историком, до конца жизни. История Донбасса для меня разворачивается не в ресурсной плоскости, а на помосте веры, справедливости и культуры.

ГОВОРЯ о нашей культуре, я ощущаю её укасающую бедность. Едва ли не сплошные предатели, потому что рабская приверженность европейскому мнению, мнению записных фисисеев и саддукеев, несёт в себе, помимо эстетического восхищения Лувром, Эскориалом, Прадо

Расизм, антихристианский уже потому, что "несть эллина и иудея", — порождение глубочайшей духовной развращённости, позволения себе судить о том, каким народам жить, а каким умирать. И в убеждении, что вправде единолично решать народные судьбы, Европа (а теперь и пригнувший ей Киев) живёт не первое и не десятое столетие. Так "быть" ли контейнеру Европы со всем слежавшимся в нём вековым хламом вражды и беззастенчивого грабежа окрестных племён? Или не быть?

Теперь и речи не идёт о ней, загнавшей себя в ловушку собственных иллюзий, но речь о "тайнственной химии истории", которую Александр Андреевич обозначает, и, ужасаясь бедне, целомудренно не срывает с неё покровов. И эта самая тайнственная химия накрепко увязана с Русской Мечтой.

В чём она?

Русская Мечта — это лад, простирающийся на тысячах километров.

В народах и веках мы были тем деревом, что спорило с камнем.

И только потому деревом, что оно не только одолевало камень, но и властно желало быть ради Господа не Башней Плоти, но Башней Духа. В языке мое — Лес, во Христе — Храм, но храм из леса, а не из камня. Органика. Мы тот самый уголь мирового пожара, которым топили печь истории. И если мечтаем, то о воле в своих пределах, а не о вздувшихся в наших городах азиатских "человекини-

на

на

ВТОРОЕ СЕРДЦЕ

Сила духа и сила правды

ния себе не нахожу. Я не могу понять самого себя, и до самого объявления, коли такая будет, всеобщей мобилизации буду продолжать войну и со своим естественным страхом погибнуть, и со скептическими мнениями профессионалов о том, что мой ресурс "в поле" будет исчерпан за две-три недели, и никакого особенного результата не принесёт. Что ж...

Зато я помню, как восемь лет назад, когда бездумная, с остатками совести, столичная интеллигенция металась, раздумывая, какую бы сторону принять, тогда была наскоро собрана целая серия поэтических вечеров — поддерживавшие Донбасс выступали то у Юрия Юрченко в "Театре поэта" на "Цветном бульваре", то в клубе "Форпост" на Спортивной, то в Славянском фонде письменности и культуры на Новокузнецкой, но чаще всего у Бориса Лукина в библиотеке "Просвещение трудящихся" на Шаболовке. Для меня вопроса о том, на какой стороне я, не стояло ни в 2014-м, ни позже, и я органически впился в эту среду, где чудом выравнявшиеся из застенок СБУ харьковские подпольщики стояли рядом с москвичами, не ведавшими войны. Тогда и вырвалось помимо воли и сознания откуда-то изнутри: "Донбасс — второе сердце России", и оно имеет неслыханную дерзость биться, окровавленное и живое, сильнее, чем в столичных, уездных и губерньских городах.

СКАЖУТ: что же за такая страна, у которой ещё и сердце — внешнее? Так какое не внешнее, ибо Русский Мир, нещадно проклинаемый бывшими братьями, был насильственно урезан, причём не только Беловежскими соглашениями, законность которых, мягко говоря, под большим вопросом, а всем ходом событий XX века. Право владеть бескрайними территориями русский народ завоевал и силой оружия, и силой духа, силой своей правды. И отторжение их, начавшееся в Гражданскую войну и интервенцию, спустя сто лет приобрело характер такой же демонической, как и восемьдесят лет назад "сдерживание России". При том что этническая реальность Евразии не особенно поменялась и вылилась и в Русскую Весну, и в Русское Лето, бушующее сейчас.

КОГДА Александр Андреевич пишет о Донбассе как реакторе, в котором должны безвозвратно согреть и наше вековое унижение, и наша скука, и всё, что сдерживает нас на нашем пути, я ощущаю его правоту как свою.

Расисты всего мира сегодня снова сплотились в убеждении, что русские — низшая раса, и убивать нас не возбраняется любому. Знакомое, увы, заблуждение, которое "печится" лишь хорошими

помощи папины и мамыны вещи, и выступлений на вечерах, и переписки, и Семён Пегов, ходивший на мои семинары вместе с рано ушедшим Вячеславом Памурзиным, и множество событий, объединённых состраданием к народу, который не в первый раз пытаются варварски истребить лишь за то, что он есть.

Те, кто смотрел "Зеркало для героя", один из наших величайших фильмов, без труда воссоздаст панораму возвышенных, как египетские пирамиды, терриконов на горизонте безбрежной степи под чужеземную мелодию свержков. Те, кто не может без внутренних слёз вынимать песенные "Спят курганы тёмные", поймут меня, ни

и Уффици, обязанность гнусно, истерично вопить об агрессии, лицемерно забывая о её подлинных истоках.

Так может ли быть убийцей создатель Ватикана? Способен ли наследник Гёте и Шиллера сжигать белорусских крестьян в избах-читальнях? Да, может. Мы видели это.

И, следовательно, не от барочных и ампириных завитухек и стрел, не от великопленного Мочарта или пламенного Бетховена зависит архитектоника внутренних запретов. И даже не от количества обращений ко Господу в день, и не от привычки молиться, потому что Христос — не с чистыми, а со страждущими.

как" на пластике и крошащемся от вибрации силикате.

Русь есть простор, и сдерживание его годами не приведёт ни к чему, кроме стихийного прорыва.

Но уже сейчас нужно задавать себе вопрос: что будет со всеми нами, когда всё уляжется и стихнет? Что выстроим и на кого обопремся? Что понесём народам, которые окажутся в сфере нашего блага? И больше ли оно для самих нас?

Сергей АРУТЮНОВ

На фото: гуманитарная помощь жителям Мариуполя

ОПТИМУМ

О новой книге Георгия МАЛИНЕЦКОГО

Малинецкий Георгий. Синергетика — новый стиль мышления. Предметное знание, математическое моделирование и философская рефлексия в новой реальности. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 288 с.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ синергетики новым стилем мышления, в отличие от её традиционного понимания как процессов самоорганизации (прежде всего нелинейных) в термодинамически неравновесных системах (приводящих к появлению у этих систем непредсказуемых, если исходить из их состава и структуры, свойств), можно сказать, давно носилось в воздухе. Но "вынуть" из воздуха то, что в нём неслышится — это особое умение, или, как сейчас стало принятым говорить, особая компетенция, которую, собственно, и продемонстрировал в своей новой книге доктор физико-математических наук, профессор МФТИ, МГТУ и Московского гуманитарного университета, давний автор газеты "Завтра" и постоянный участник Изборского клуба с момента его основания Георгий Геннадьевич Малинецкий.

Так уж исторически сложилось, что синергетическое мышление очень давно и очень прочно была встроена в Русский Мир, в русскую цивилизацию — без этого качества она просто не смогла бы существовать в тех природно-климатических условиях, в которых она, тем не менее, существует и развивается уже не первую сотню или, может быть, даже тысячу лет, позволяя из минимума доступного ресурса получать не максимум конкретного результата, а синергетический оптимум сразу нескольких результатов (или близко к тому). "Матрица" такого мышления по определению должна быть более многомерна, чем "матрица" формальной или даже диалектической логики. Но подобная многомерность никогда не воспринималась как цель или инструмент.

А потому гениальны и синергетические по сути своей прорывы — такие, как русская печь, периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева, план ГОЭЛРО или схемы космических полётов К.Э. Циолковского — чаще всего так и оставались отдельными, не-и внесистемными прорывами, которые заимствовались (если удавалось) иной системой и уже внутри неё реализовывались. Данная тема сама по себе чрезвычайно интересна и важна даже в одном только историческом её аспекте, но в книге Г.Г. Малинецкого намного важнее заявленная автором аксиология (целесолагание), принципиально позволяющая работать в иной мерности ценностей и смыслов, чем классическая, основанная на эксперименте и предметном знании, или современная обсервационная, основанная на математическом моделировании и программировании, наука.

Ещё важнее то, что эта аксиология не только декларируется, но уже явно находит практические, иногда весьма неочевидные применения — в качестве примера можно привести большую статью того же автора "Стратегическая стабильность и спецоперация России на Украине", опубликованную 4 июля на сайте ИА Regnum и прямо вытекающую из последней главы "От общего к частностям. Надо ли начинать войну?" в книге Г.Г. Малинецкого.

Самое неожиданное заключается в том, что на фоне декларируемых сложностей в отношениях между властью и РАН, влияние подобной аксиологии, матрицы синергетического мышления прослеживается не только на академическом, но и на собственно политическом уровне. Во всяком случае, представители коллективного Запада разных уровней не единогожды, хотя и воплосса, признавались в том, что не способны разобратся в логике мыслей и действий нынешнего руководства РФ, правильно аппроксимировать их последствия — почему-то в пользу Кремля, если не всегда, то очень часто срывает неожиданный комплекс факторов. И это — особенно на фоне современной "суммы технологий", информационных в том числе, — без учёта и вне "матрицы" синергетического мышления выглядит необъяснимым.

А вот с учётом и участием этой "матрицы" — более чем объяснимо и даже иногда предсказуемо. Похоже, что автор неслучайно ссылается на статью В.И. Арнольда, опубликованную в 2000 году, где выдающийся математик задавался вопросом о том, является ли математика единой наукой или набором ремёсел, и давал на него парадоксальный ответ: это набор взаимосвязанных ремёсел, между представителями которых возможна самоорганизация (синергия), которая способна приводить к удивительным результатам... О, сколько нам открытий чудных готовит синергии дук!

Владимир ВИННИКОВ

Новый номер (4(102)) журнала "Изборский клуб" составлен из работ "главного изборского футуролога" Максима Капашникова, озгаппившего свой цикл как "Русская Мечта" — нетривиальная стратегия". В анонсе трудов автора сказано: "Здесь и ответы на вызовы и угрозы новой эпохи глобального смуторизиса, и пробуждение созидательных кодов русской цивилизации, её инновационного гения..."

В послесловии к работе "От "безобразия" к ясной цели" Максим Капашников утверждает, что "положение, в коем РФ сейчас очутилась, напоминает СССР начала 1981 года, дни 26-го съезда КПСС", и предостерегает: "Теперь важно не свалиться в тот же сценарий, что и тогда".

Рубрика "Стихий" знакомит с поэтической циклом Александра Проханова "Алеющий Восток".

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24